СОБИРАТЕЛЬ СЛОВ

Он стал *самым знаменитым после Петра Первого русским путешественником по Европе и великим реформатором русского языка.*

ЕГО НАЗЫВАЛИ Колумбом русской истории, но до того как Карамзин «постригся» в летописцы, была молодость, покрытая тайною, и был, как во французской песне, вояж, вояж... Он колесил по дорогам Германии, Швейцарии, Франции и Англии и создавал новый язык. Привычный для нас, живой, разговорный, раскрепощенный русский язык разродится через полтора года европейской беременности.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

В августе 1789 года в Базель, благополучно миновав небезопасные в тот год дороги Эльзаса, въехала почтовая карета. В дилижансе беседовали двое: сын придворного копенгагенского аптекаря Беккер и москвитянин Nicolas von Karamsin, начинающий журналист, переводчик, литератор. Он пишет путевые заметки, а вернувшись в Россию, издаст их романом-бестселлером «Письма русского путешественника». «Итак, я уже в Швейцарии, в стране живописной натуры, в земле свободы и благополучия! Кажется, что здешний воздух имеет в себе нечто оживляющее: дыхание мое стало легче и свободнее, стан мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве». Свобода, благополучие мира, мысли о человечестве – в паре строк дается основной месседж загранпоездки. Она – причудливый конструкт, с встречами и невстречами, всплеском революции, поиском новых понятий, обманутыми ожиданиями.

Вот Базель. «Не заметил я здесь никаких хороших зданий, и улицы чрезмерно худо вымощены». Цюрих тоже не прельщает его взоры. Лозанна – одной частью в яме, другой – на склоне; улицы узкие и нечистые. Кстати, именно Карамзин придумывает слово *достопримечательность*, составляя список обязательных остановок туриста. В кафедральном соборе Минстер в Базеле похоронен гений средневековья Эразм Роттердамский. В публичной библиотеке Карамзин смотрит «Христа» Гольбейна – того самого, от которого спустя век не сможет оторваться Достоевский. В цюрихском арсенале хранится стрела легендарного Вильгельма Телля, якобы именно эта и никакая другая попала в яблоко на голове его сына. Из Цюриха Карамзин пешеходствует к Рейнскому водопаду. Из Лозанны – по берегу Женевского озера в Веве и Кларанс, чтобы оживить страницы «Новой Элоизы», культового романа Жан-Жака Руссо. Из Женевы паломничает в Ферне к Вольтеру. Церковь отказалась хоронить француза-безбожника, так что его сердце оставили у него в спальне, надписав черный монумент: «Дух его везде, сердце его здесь». Там же будущий придворный историограф видит портрет российской императрицы еще той эпохи, когда просвещенная монархиня дружила с Вольтером. Перед

замком, к которому ведет прекрасная аллея, – церквушка с надписью «Вольтер – богу». В старости философ выдал афоризм всей жизни: «Если бы не было бога, то нужно было бы его выдумать».

Карамзина тянет на идеи, на мировоззрения. Они и их носители и есть основные точки его заграпоездки. Писатели, философы, поэты, мистики – все знаковые европейцы эпохи. Рассказывая о них, людях необыкновенных и обычно странноватых, он говорит по старинке – «примечания достойны». И главная швейцарская достопримечательность – Иоганн Каспар Лафатер.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

До их встречи в Цюрихе увлечение длится года три. Письма Карамзина из Москвы длинные, восторженные: «Господи, для чего я родился так далеко от того, кого сердце мое так сильно любит и так высоко чтит, хотя я и не знаю его лично? О, если бы я мог увидеть этого великого человека!» Ответные письма из Цюриха сдержаннее и обстоятельнее, они смещают акцент в сферу интеллекта. Они такие же, как первый прием в цюрихском доме, который принесет разочарование чувствительному сердцу.

А по чувствам наш нежный герой прямо корифей, и неудивительно, что его путевыми зарисовками из Европы начнется русский сентиментализм. «Письма» их автор назовет «зеркалом души моей в течение восемнадцати месяцев». Главное путешествие сентименталистов – в мир чувств и переживаний, но слов в русском языке для психологического анализа еще не придумано, и Карамзин, ничтоже сумняшеся, плодит сердешные неологизмы: *трогательный, чуткий, утонченность, влюбленность*.

Приехав в Цюрих, он делает check in в гостинице «Ворон» и мчится к своему кумиру. Иоганн Каспар Лафатер, пастор при церкви св.Петра, сухой и бледный, встречает его дружелюбно, поцеловав и задав пару-тройку вопросов о поездке. И предлагает подождать в кабинете или зайти часам к шести. По цюрихскому законодательству личное никак не вписывается в рабочий график. И швейцарско-германский менталитет вдребезги разбивает чувства нашего героя. С прагматикой и уникальной способностью все утилизовать Николаю Михайловичу еще придется столкнуться. Лафатер часто спрашивает его, как там в Москве, но вопросы к себе предпочитает получать в письменном виде. Он сочиняет пространные ответы русскому другу, оставляя себе копию. И печатает в Берлине книгу «Ответы на вопросы моих приятелей».

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Зато гонорар за литературные труды Лафатер раздает бедным. И готов помочь любому – одни приходят за советом, другие за

милостыней. Он навещает больных и слабых, поддерживая их добрым словом, а их близких – монеткой.

После Цюриха был Берн, потом – Лозанна. Карамзин приехал туда ночью, стучался во все трактиры, но сквозь запертые двери отвечали, что свободных мест нет. Караульщик помог загрустившему путешественнику найти комнату в трактире «Олень» и отказался от чаевых. «Я развернул карманную книжку свою и записал: "Такого-то числа, в Лозанне, нашел доброго человека, который бескорыстно услуживает ближним"».

Зато по пути из Берна в Лозанну, у города Муртен, выйдя из кареты, Карамзин за железной решеткой видит гору человеческих костей, подобную картине Верещагина с пирамидой черепов. Лет за триста до того швейцарцы разгромили тридцатитысячное войско герцога Бургундского, собрали останки неприятелей и сложили их в груду у дороги как Nota Bene – чтобы другим неповадно было. Расстроенный путешественник тут же выписывает им рецепт: «Гордясь именем швейцара, не забывайте благороднейшего своего имени – имени человека!».

Человек – вот абсолютная ценность западной цивилизации, причем важен любой человек, даже немощный или неимущий. Или побежденный. Во всяком случае, такое впечатление создавалось от трудов европейских гуманистов. По складу, мышлению, воспитанию Николя Карамзин – сущий европеец. Четыре года до вояжа он, живя в Москве в доме знаменитого масона Новикова, вкалывает по полной филологической программе, переводя с немецкого и французского, и как губка впитывает европейскую мысль. По-русски читает мало, потому что «мы еще бедны писателями».

Чтобы сопоставить книжное и реальное, молодой человек отправляется в вояж. Шире и выше, вплоть до восхождения к ледникам, чтобы услышать божественную гармонию. Она проявляется в отношениях человека и государства, человека и природы, отношениях между людьми. И тут просто не обойтись без *человечности* – писатель скалькировал слово с немецкого Menschlichkeit, и оно выжило вместе с бородатым старославянским *человеколюбие*. С его же легкой руки появляется слово *гармония*.

ГАРМОНИЯ

Дорога из Цюриха в Берн. Развалины габсбургских замков, луга, обсаженные плодовыми деревьями, хорошие дороги. В деревнях нет сломанных заборов и покосившихся изб, грязи и мусора, все аккуратно, ухожено. «Сие, можно сказать, цветущее состояние швейцарских земледельцев происходит наиболее оттого, что они не платят почти никаких податей и живут в совершенной свободе и независимости». А в России в это самое время Радищев пишет свое негодующее путешествие из Петербурга в Москву.

В Берне Карамзин идет в сиротский дом, обнаруживая там удивительную чистоту и порядок. На завтра он берет минимум вещей – теплый сюртук, белье, записную книжку и карандаш. Он готов

погрузиться в то состояние, когда человек и природа срастаются в одно целое. В то состояние, которое идеализировал женевец Руссо, а за ним все сентименталисты. Завтра – восхождение на Юнгфрау, одну из самых высоких альпийских вершин.

Карамзин делает запись у подножия вечером, под звездным небом. Лунный свет разливает серебро на гранитные скалы. Две снежные вершины Юнгфрау в жарком августе напоминают девичьи груди. Наутро – четыре часа изнурительного, убийственного подъема. «Наконец достиг до цели своих пламенных желаний и ступил на вершину горы, где вдруг произошла во мне удивительная перемена. Чувство усталости исчезло, силы мои возобновились, дыхание мое стало легко и свободно, необыкновенное спокойствие и радость разлились в моем сердце». Поразительный момент счастья, который испытывает путешественник, и просторы, которые открываются на вершине, выводят его на тот уровень духа, где нет границ, где все – одно. «Здесь смертный чувствует свое высокое определение, забывает земное отечество и делается гражданином вселенной».

На спуске – сплошная идиллия. Две пастушки-хохотушки. Он сообщил им, что мечтает остаться здесь жить, чтобы вместе доить коров. Дальше, ниже – хижина на берегу ручья, пастух поит его водой. «Для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!» Хочется простой жизни подальше от шума городов и зла цивилизации. Чтобы ничего не бояться, ни от кого не скрываться!